

Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина.

Воспоминанія Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова.

Въ 1886 г. Ѳ. А. Бычковъ напечаталъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (февраль, стр. 387—391), статью „Неосуществившаяся газета Пушкина“, посвященную извѣстной неудачной попыткѣ Пушкина въ 1832 г. приступить къ изданію газеты ¹⁾. Матеріаломъ для автора послужили свѣдѣнія, сохранившіяся въ сочиненіи Наркиза Ивановича Тарасенко-Отрѣшкова о Пушкинѣ. Пушкинъ, познакомившись съ Тарасенко-Отрѣшковымъ, иногда выступавшимъ въ печати и слышимъ за литератора, предложилъ ему раздѣлять редакторскій трудъ и заключилъ съ нимъ договоръ, но этому предпріятію не суждено было осуществиться.

Любезность Ѳ. А. Бычкова, которому приношу глубокую благодарность, дала мнѣ возможность познакомиться съ хранящимся въ его собраніи сочиненіемъ Тарасенко-Отрѣшкова. Это тетрадь, форматомъ въ листъ, въ 103 страницы, переписанная писарскимъ почеркомъ. Поправокъ автора немного, но многое вовсе зачеркнуто, такъ что не поддается прочтенію. Тетрадь носитъ заглавіе: „Значеніе Пушкина въ русской словесности. Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова. С.-Петербургъ. 1858 года“. Это очень плохая критико-біографическая работа, наполненная наивными разсужденіями о Пушкинѣ и вообще о литературѣ и весьма малосостоятельная въ біографической части, гдѣ широко использованы недавно появившіеся анненковскіе „Матеріалы для біографіи Пушкина“. Тарасенко-Отрѣшковъ былъ литераторъ весьма посредственный. П. В. Анненковъ

¹⁾ См. ст. Н. К. Пиксанова „Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневникъ“ (1831—1832)“ въ „Пушк. и его соврем.“, вып. V, стр. 30—74.

разсказываетъ о немъ: „Н. И. Отрѣшковъ успѣлъ составить себѣ репутацію серьезнаго ученаго и литератора по салонамъ, гостинымъ и кабинетамъ вліятельныхъ лицъ, не имѣя никакого имени и авторитета ни въ ученостомъ, ни въ литературномъ мѣрѣ... Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Отрѣшкова, печаталось посмертное изданіе „Сочиненій Пушкина“, удивившее даже и тогдашнюю, невзыскательную публику своей безпорядочностью“¹⁾. Тарасенко-Отрѣшковъ интересовался экономическими вопросами и писалъ о нихъ, но едва-ли съ успѣхомъ. Надъ одной статьёй его противъ устройства въ Россіи желѣзныхъ дорогъ смѣялся въ 1836 г. Пушкинъ²⁾. По смерти поэта, Отрѣшковъ былъ однимъ изъ членовъ опеки, учрежденной надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина. Имъ были пожертвованы въ Публичную библіотеку нѣкоторые матеріалы, касающіеся біографіи Пушкина и дѣлъ опеки. Съ наиболѣе интересною частью этихъ матеріаловъ мы вскорѣ ознакомимъ читателя „Русской Старины“. Нынѣ же даемъ отрывки изъ сочиненія Отрѣшкова о Пушкинѣ, содержащія его личные воспоминанія о великомъ поэтѣ. Отрѣшковъ былъ не особенно близокъ къ Пушкину, но все-же въ воспоминаніяхъ его есть кое-что интересное. Этотъ недалекій человѣкъ понималъ высокое значеніе Пушкина; правда, онъ истолковывалъ его довольно криво,—но по крайней мѣрѣ добросовѣстно, хотя кратко записалъ, что зналъ. Если вспомнить, что такіе близкіе къ поэту и привычные къ перу люди, какъ Плетневъ³⁾, Жуковский, Вяземскій, не оставили своихъ воспоминаній о Пушкинѣ, начинаютъ казаться цѣнными даже немногословныя записки Тарасенко-Отрѣшкова.

¹⁾ П. В. Анненковъ. „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. III, Спб. 1881 г., стр. 258.

²⁾ Сочин. Пушкина, изд. Литературнаго фонда, т. VII, стр. 413—414. Можемъ указать статьи Отрѣшкова по экономическимъ вопросамъ въ „Сборникѣ литературныхъ статей, посвященныхъ памяти А. Ф. Смирдина“, Спб., 1858 г., т. II, 341—367, т. III, 263—278. Въ 1857 г. онъ выпустилъ брошюру „Посѣщеніе въ Крыму арміи союзниковъ и счисленіе потерь въ людяхъ и деньгахъ, понесенныхъ Франціею, Англіею и Пиемонтомъ въ нынѣшнюю войну ихъ противъ Россіи“, Спб.

³⁾ Я. К. Гротъ писалъ въ 1847 г. Плетневу: „если бы ты въ литературѣ менѣе былъ пѣтистомъ... то ты, прочитавъ статью Жуковского о смерти Пушкина, скорѣе написалъ бы другую.“ („Переписка Грота съ Плетневымъ“, т. III, Спб., 1896 г., стр. 161). „Съ кѣмъ долго живешь вмѣстѣ“, — писалъ Плетневъ (ibid, 406)—„не заботишься о сохраненіи въ памяти, а еще менѣе на бумагѣ, частностей жизни, потому что все настоящее и близкое представляется обыкновеннымъ“...

* * *

„... Съ женитьбою Пушкина, при общественномъ его положеніи въ Петербургѣ, появилась неизбѣжная необходимость исполненія многочисленныхъ обязанностей свѣтской жизни и ея развлеченій. При томъ расходы по содержанію дома и увеличеніе семейства весьма озабочивали Пушкина. Для поддержанія своего положенія онъ сталъ изыскивать болѣе выгодныя занятія...“.

Стр. 30.—Далѣе Отрѣшковъ говоритъ о газетѣ Пушкина; этотъ отрывокъ напечатанъ Ѡ. А. Бычковымъ. Стремленіе Пушкина къ журналистикѣ такъ же объяснялъ и князь П. А. Вяземскій. Пушкинъ, писалъ онъ по поводу „Современника“, „не имѣлъ ни достойныхъ качествъ, ни погрѣшностей, свойственныхъ и даже нужныхъ присяжному журналисту... Срочная работа была не по немъ. Онъ принялся за журналъ вовсе не изъ литературныхъ видовъ, а изъ экономическихъ. Думалъ онъ, что совладаетъ съ журнальнымъ предпріятіемъ не хуже другого. Не боги же обжигаютъ горшки. Нѣтъ, не боги, а горшечники; но онъ именно не былъ горшечникомъ“ ¹⁾. Узнавъ, что газета Пушкина не состоится, Гоголь писалъ И. И. Дмитріеву: „газеты Пушкинъ не будетъ издавать, и лучше“ ²⁾.

* * *

... Пушкинъ былъ небольшого роста, сухощавъ, съ курчавыми, весьма темно-русскими, почти черными волосами, съ глазами темно-голубыми. Въ обликѣ лица сохранились еще черты африканскаго происхожденія, но въ легкомъ уже напосинаніи. Даже во множествѣ нельзя было не замѣтить Пушкина: по уму въ глазахъ, по выраженію лица, высказывающему какую-то рѣшимость характера, по едва-ли унимаемой природной живости, какого-то (sic!) внутренняго безпокойства, по проявленію съ трудомъ сдерживаемыхъ страстей. Такимъ по крайней мѣрѣ казался мнѣ Пушкинъ въ послѣдніе годы своей жизни. Къ этому можно еще сказать, что также нельзя было не замѣтить невниманіе Пушкина къ своему платью и его покрою, даже на большихъ балахъ. Въ обществѣ, сколько мнѣ случалось его видѣть, я всегда находилъ его весьма молчаливымъ, избѣгающимъ всякаго высказыванья.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. II, Спб., 1879 г., стр. 370—371.

²⁾ Письма Гоголя, ред. В. И. Шенрока, I, 228.

Я сказалъ уже, что Пушкинъ въ лицѣѣ отклонялся отъ изученія наукъ положительныхъ и предавался только чтенію книгъ, болѣе или менѣе относящихся до словесности. Къ этому можно прибавить, что этому вкусу или потребности природы своего дарованія, онъ не измѣнилъ и впослѣдствіи и не читалъ или читалъ мало книгъ по инымъ предметамъ. Когда, лично познакомившись съ Пушкинымъ, неоднократно я слышалъ, какъ онъ съ свойственной ему откровенностью говорилъ, что не читалъ многихъ изъ называемыхъ ему даже весьма извѣстныхъ сочиненій по части древнихъ и новыхъ философій, политики и исторіи. Конечно, для поэта нужны книги, нужны познанія и особенно въ словесности; но главное нужно вдохновеніе, нуженъ просторъ его творчеству. Иное дѣло для пріобрѣтенія познаній въ наукахъ. Здѣсь необходимъ трудъ; трудъ упорный и продолжительный, необходимо чтеніе книгъ, и при томъ многихъ книгъ. Но Пушкинъ, по выходѣ своемъ въ 1817 г. изъ лицея, вполнѣ предавшись творчеству своей поэзіи, обществу и развлеченіямъ столичной жизни, конечно, не имѣлъ времени заняться науками и чтеніемъ книгъ, до нихъ относящихся. Еще менѣе ему представлялось возможности имѣть много такихъ книгъ во все время, послѣдующее съ 1820 по 1826 г., т. е. во время его пребыванія и странствованій въ Бессарабіи, на Кавказѣ и въ селѣ Михайловскомъ. Потомъ съ 1826 по 1831 г. возвратились къ Пушкину та же привольная жизнь, тѣ же поэтическія занятія съ тѣмъ же вкусомъ и наклонностями, съ тѣми же отлучками и развлеченіями. Наконецъ съ 1831 по 1837 годъ, т. е. по день смерти, хотя Пушкинъ и могъ заняться учеными предметами, но заботливость по содержанію семейства, занятія по словесности, писаніе „Исторіи Пугачевского бунта“,—при неизбѣжной потерѣ времени, требуемой его новымъ общественнымъ положеніемъ, а главное природная наклонность къ произведеніямъ собственной словесности,—не допустили его предаться иному чтенію и наукамъ.

Зато, при большой памяти, познанія Пушкина собственно въ произведеніяхъ словесности европейской и отечественной были обширны“.

Стр. 62--65. — Слова Отрѣшкова о холодности Пушкина къ абстрактному мышленію въ общемъ вѣрны. Сообщая Пушкину, въ январѣ 1826 г., о выходѣ новой книги Галича объ эстетикѣ, Е. А. Баратынскій писалъ ему: „впрочемъ, какое о томъ дѣло, особливо тебѣ! Твори прекрасное, и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову“ 1).

1) Переписка Пушкина, ред. В. И. Саятова, I, 317.

*
*

„... Далекое не столь строгимъ судьбою является Пушкинъ о многихъ современныхъ ему писателяхъ. Увлекаемый дружбой ко многимъ нынѣ живымъ еще писателямъ, онъ чрезмѣрно цѣнилъ ихъ сочиненія. Приводить здѣсь ихъ имена было бы излишне. Желаящіе могутъ найти любопытныя по сему свѣдѣнія въ перепискѣ Пушкина. Пушкинъ высоко цѣнилъ дарованія Гоголя. Но нельзя не удивляться, читая, что Пушкинъ присовѣтовалъ Гоголю заняться дѣломъ совершенно ему несвойственнымъ, а именно написать „Исторію русской критики“. Глубоко уважая и личность и способности Пушкина, Гоголь принялся было за этотъ для него недоступный трудъ; но вскорѣ потомъ его оставилъ.

Столь крайняя снисходительность и даже часто полная увѣренность Пушкина въ значительности дарованія многихъ изъ его друзей, какъ-то: барона Дельвига и другихъ, происходили отъ весьма уважительнаго побужденія его прекрасной души; я хочу сказать, что они происходили отъ пламеннаго желанія Пушкина успѣховъ всякому на поприщѣ русской словесности.

Какого безпристрастія можно требовать отъ воображенія столь пламеннаго, отъ природы столь воспримчивой? Воззрѣнія Пушкина на всѣ окружающіе его предметы не могли не подчиниться имъ, и доказательствъ тому много найдется въ „Матеріалахъ его біографіи“...

Стр. 69—70.—„Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики“, записалъ Пушкинъ въ своемъ дневникѣ 7 апрѣля 1835 г. 1). „Но въ записныхъ книгахъ Гоголя“—сообщаетъ Н. С. Тихонравовъ 2)—„нѣтъ слѣдовъ такого сочиненія“. Извѣстно, чѣмъ былъ Пушкинъ для Гоголя, и какъ свято дѣлалъ Гоголь воспоминаніе о своемъ учителѣ и другѣ. „О, Пушкинъ, Пушкинъ!—писалъ онъ Жуковскому въ 1837 г.—„Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни“... 3) „Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ... Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина... Все, что есть во мнѣ хорошаго, всемъ этимъ я обязанъ ему“—такъ оплакивалъ Пушкина Гоголь 4).—О талантѣ Дельвига Пушкинъ былъ преувеличенно высокаго мнѣнія, котораго не раздѣ-

1) Сочиненія Пушкина, изд. литерат. фонда, V, 205.

2) Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, т. V, стр. 652.

3) Письма Гоголя, изд. В. И. Шенрока, I, 459.

4) Ibid., 434—435.

ляль Бѣлинскій, ¹⁾ говорившій, что „Дельвигъ своею поэтическою славою былъ обязанъ больше дружескимъ отношеніямъ къ Пушкину и другимъ поэтамъ своего времени, нежели таланту“ ²⁾. Тарасенко-Отрѣшковъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ душевную щедрость и доброту Пушкина.

* * *

„... Я помню, какъ однажды Пушкинъ говорилъ мнѣ, что онъ терпѣть не можетъ—когда просить у него: не на водку, а на чай. При чемъ не могъ скрыть своего легкаго неудовольствія, когда я сказалъ, что распространяющійся въ нашихъ сословіяхъ народа обычай пить чай благодѣтеленъ для нравственности, и что этому нельзя не радоваться.—„Но пить чай“, возразилъ Пушкинъ съ живостью,—„не русскій обычай“. (Стр. 71)“

* * *

„... Остается сказать о Пушкинѣ какъ о человѣкѣ.

Возвышенность чувствованій и благородство правилъ внушаютъ уваженіе и составляютъ большое достоинство въ человѣкѣ, даже въ самомъ счастливомъ положеніи. Но сколько нужно имѣть твердости души, чтобы неизмѣнно сохранить ихъ въ теченіе всей жизни, какъ сохранилъ Пушкинъ, при врожденной живости характера, при восприимчивости поэтической его природы?

Конечно, Пушкинъ имѣлъ счастье съ самой первой молодости стать въ словесности на первое мѣсто и былъ единогласно признанъ первенствующимъ поэтомъ. Но это не уменьшить его достоинства—не имѣть ни къ кому зависти и признавать съ всегдашнею готовностью малѣйшее дарованіе.

Привязанность Пушкина къ друзьямъ была искренняя, и со многими изъ нихъ онъ оставался всю жизнь въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Когда случай сводилъ его и съ недругомъ, онъ легко забывалъ прежнія неудовольствія. Если Пушкинъ имѣлъ много искреннихъ друзей и еще болѣе цѣнителей превосходнаго его дарованія, если имѣлъ онъ и недруговъ,—то я увѣренъ, что истекшія 20 лѣтъ ослабили ихъ нерасположеніе, и что теперь и недруги, на-ряду съ друзьями, отдають вполнѣ справедливость прекраснымъ качествамъ души Пушкина“. (Стр. 100—101).

Сообщилъ Н. Лернеръ.

¹⁾ Полн. собр. сочин. В. Г. Бѣлинскаго, изд. С. А. Венгерова, I, 354, 367, 437; VII, 37; VIII, 286.—Сочиненія В. Бѣлинскаго, ч. IX, М. 1860 г., стр., 260—261.—См. „Русс. Стар“. 1879 г., т. 24, стр. 251.

²⁾ Сочиненія В. Бѣлинскаго, ч. IX, стр. 251.